

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.6

EDN: QJDNKU

Антивозрастная косметология в старшем возрасте и сценарии старения российских женщин в перспективе жизненного пути

Ссылка для цитирования:

Макарова К. А. Антивозрастная косметология в старшем возрасте и сценарии старения российских женщин в перспективе жизненного пути // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 2. С. 111–129. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.6> EDN: QJDNKU

For citation:

Makarova K. A. (2025) Anti-age Cosmetology in Older Age and Aging Scenarios of Russian Women in the Perspective of the Life Course. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 2. P. 111–129. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.6>

Макарова Карина Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kmakarova@eu.spb.ru

Статья посвящена изучению сценариев старения женщин, регулярно прибегающих к практикам применения антивозрастной косметологии, в современном российском мегаполисе. В теоретическом плане статья ориентирована на развитие сценарного подхода и исследовательского дебата о диверсификации способов проживания старшего возраста женщинами. Эмпирически — опирается на тринадцать биографических интервью, разработанных и проведенных в соответствии с подходом life course. В качестве лейтмотива определена тема ухода за внешностью на разных этапах жизненного пути. Интервью были проведены с женщинами старше 60 лет, проживающими в Санкт-Петербурге и регулярно пользующимися косметологическими процедурами anti-age. Актуальная исследовательская перспектива жизненного пути дала возможность рассмотреть истории женщин как последовательность индивидуальных выборов, определяющих жизненные сценарии. Анализ данных показал, что выбор сценариев старения связан с попытками женщин контролировать возрастные изменения внешности.

В ходе анализа были выделены три альтернативных сценария старения: женщина без возраста, активная пенсионерка и профессиональная бабушка. Выявленные сценарии аналитически описаны и сопоставлены с новым дискурсом активного долголетия и нормативным сценарием женского старения.

Ключевые слова: исследования старения; женское старение; anti-age косметологические процедуры; сценарии старения; life course; подход жизненного пути

Благодарности

Автор выражает благодарность Елене Александровне Богдановой за поддержку и помощь в работе над статьей.

Введение

Перспектива жизненного пути [Elder, 1974; Kohli, 2007] обладает значительным потенциалом для исследований старения [Szatur-Jaworska, 2020], в частности как социально и культурно детерминированного феномена [Dannefer, 2003; Foster, Walker, 2021]. В широком понимании исследования, выполненные в парадигме жизненного пути, сфокусированы на изучении биографических изменений, происходящих в условиях изменяющихся социальных структур [Mortimer, 2019]. Конструктивистское направление подхода life course предлагает максимально отказаться от внешних структур как оснований понимания и анализа жизненного пути. Упорядочение нарративов о жизни обеспечивается тем, что сознание индивидов нормативно детерминировано, и они так или иначе руководствуются принятыми в обществе биографическими ориентирами [Holstein, Gubrium, 2007].

Трансформации жизненного пути в эпоху постмодерна привели к нарастанию хронологической дестандартизации и к индивидуализации. Если более ранние формы организации общества предлагали индивидам готовые жизненные сценарии, то в современном обществе индивиды вынуждены рефлексивно создавать свои собственные биографии [Кузьминых, 2008: 37]. Российские исследователи, изучающие современные биографии, неоднократно обращали внимание на тенденции роста «неопределенности в трудовых, брачных, семейных сценариях» [Григорьева, 2018: 15] и «открытости выбора жизненного пути» [Евсеева, Ядова, Якимова, 2019: 14]. Елена Тыканова и Анисья Хохлова подчеркивают, что в фокусе актуальных исследований жизненного пути индивиды рассматриваются как агенты, «осуществляющие постоянную работу над конструированием и переконструированием своих биографий в попытках адаптироваться к давлению изменчивого социального, культурного, политического и экономического контекста» [Тыканова, Хохлова, 2016: 13].

Кроме возникающей множественности жизненных сценариев исследователи отмечают также переопределение возрастных переходов и, соответственно, размывание возрастных границ [Kohli, 2007; Pickard, 2016], отделяющих одну возрастную группу от другой по критериям ожидаемого поведения, жизненных целей и достижений. Сценарий естественного старения, сопровождаемого физиологическим снижением и упадком в старшем возрасте [Смолькин, 2007], перестает быть единственным и доминирующим. Формируется пространство для возникновения разнообразных сценариев старения, ориентированных на поддержание физической формы, сохранение активной жизненной позиции и активное включение в рынки оплачиваемого труда и потребления.

В России в последние годы создаются дополнительные условия для появления альтернативных естественному сценариев старения. Концепция активного долголетия, опираясь на принципы индивидуального и неолиберального выбора и выступая ориентиром российской социальной политики и официальной риторики в отношении индивидов старшего возраста¹, способствует продвижению здорового и образа жизни и сохранению включенности старших в жизнь общества [Низамова, 2016; Григорьева, Богданова, 2020]. Будучи российским вариантом концепции активного старения (active aging — термин Всемирной организации здравоохранения), идеология активного долголетия последовательно проникает в российское общество в качестве основы политических инициатив и общественных дискуссий в средствах массовой информации [Hořavins, 2020], легитимируя возникновение альтернативных сценариев старения. Необходимо отметить, что в категориях активного старения принято говорить о раннем пенсионном, или так называемом третьем, возрасте [Laslett, 1987], когда индивиды сохраняют свою автономность, агентность и не испытывают серьезных проблем со здоровьем. В нашем исследовании мы сосредоточились на изучении сценариев старения, конструируемых женщинами третьего возраста, которые регулярно прибегают к процедурам anti-age косметологии.

Ученые отмечают, что оценка социальной ценности женщин в любом возрасте тесно связана с их внешностью [Kukkonen, 2021]. Появление новых представлений о сохранности своего тела оказывается связано с социальной стороной жизни женщины. Лаура Кларк подчеркивает, что женщины, скорее, прибегают к практикам ухода за внешностью (beauty practices), чтобы «сохранить социальную видимость и смягчить социальные последствия старения» [Clarke, 2017: 108]. К числу таких практик относится применение anti-age косметологических процедур.

Зонтичный термин «anti-age косметология» объединяет комплекс современных косметологических методик, применяемых для устранения и профилактики таких признаков старения кожи, как сухость, морщины, опущение или провисание тканей (птоз) вследствие потери упругости и эластичности,

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 № 164-р. URL: <http://government.ru/docs/21692/> (дата обращения: 04.10.2024).

пигментация, появление выраженного сосудистого рисунка и других. Культуре потребления anti-age услуг в России посвящен ряд современных исследований. Дарья Кривонос отмечает, что самосовершенствование при помощи anti-age косметологии как проявление неолиберальной логики позволяет российским женщинам преобразовать себя в ожидании перемен, повышения жизненных шансов и улучшения социального статуса [Krivonos, 2014: 68]. Исследование Марии Давиденко также свидетельствует о том, что забота о внешности и потребление anti-age услуг расцениваются представительницами среднего класса и среднего возраста, проживающими в крупном российском мегаполисе, как способ сохранить или приобрести конкурентное преимущество, например, в трудовой сфере [Davidenko, 2019]. В этом смысле социальная активность женщин старшего возраста в сочетании со становящимися доступными трансформациями телесности может способствовать формированию альтернативных способов старения и в российском обществе. Однако, чему создается альтернатива? Исследователи сходятся в том, что культурным (нормативным) гендерно-ролевым и возрастным сценарием женского старения, принятым в российском обществе, является сценарий включенной в заботу о внуках бабушки, сопровождаемый определенным внешним образом. Соответствующие нормы и ожидания укоренены в социальных институтах и в значительной степени определяют образ жизни женщины старшего возраста, существенно ограничивая ее собственную агентность. Опираясь на выводы, к которым пришла в своем исследовании социолог Анна Шадрина, можно сказать, что часть российских женщин в старшем возрасте сознательно выбирают быть бабушками и выглядеть как бабушки [Shadrina, 2024]. Социальные убеждения в отношении женского старения, навязанные культурой, интериоризируются старшим поколением, что, в свою очередь, обуславливает устойчивость существующей возрастной нормативности и способствует ее укреплению [Зеликова, 2020]. Процесс формирования альтернативных сценариев старения женщин в таких условиях представляется длительным и сложным, не всегда встречающим поддержку со стороны общества.

В статье мы опираемся на данные исследовательского проекта², целью которого было изучить, как проживают свои старшие годы российские женщины, которым благодаря достижениям в сфере косметологии удается брать под контроль процессы телесного старения [Макарова, 2024]. Основываясь на концепции жизненного пути в ее современном прочтении и теоретических разработках сценарного подхода, мы отвечаем на вопрос, какие альтернативные сценарии старения конструируют российские женщины, регулярно использующие anti-age косметологические процедуры в старшем возрасте. Данная работа вносит вклад в развитие широкой дискуссии о социальных аспектах процесса старения и потенциале конструктивистской перспективы life course в исследованиях женского старения в России.

² Проект реализован автором статьи в рамках обучения в магистратуре (факультет социологии) Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2020–2022 годах.

Сценарный подход и нормативный сценарий старения российских женщин

В социологии сценарный подход многократно применялся учеными в области гендерных исследований, исследований сексуальности [Gagnon, Simon, 1973; Laumann et al., 1994] и реже исследований, фокусирующихся на пересечении возраста и гендера. В частности, концептуализируя мужественность с учетом трансформации сценариев западной гегемонной маскулинности в старшем возрасте, Габриэла Спектор-Мерсель призывает учитывать динамику всего жизненного пути в исследованиях старения и мужчин, и женщин [Spector-Mersel, 2006]. Ярослава Хасманова Марханкова анализировала культурные сценарии бабушек в Чехии в контексте изменений нормативных представлений о старении в связи с продвижением идеи активного старения [Hasmanová Marhánková, 2019]. Авторы приходят к выводу, что актуальные идеализированные представления об активном старении создают проблемы для выполнения роли бабушки [Hasmanová Marhánková, 2019: 1687].

Развитию сценарного подхода в России способствовала работа Анны Темкиной «Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой» [Темкина, 2008], посвященная исследованию социальной организации сексуальной жизни советских и постсоветских обществ. Теория сценариев, адаптированная в работе Анны Темкиной, во многом послужила основой концептуальной модели этого исследования. По аналогии мы выделили ряд составляющих женского сценария старения, а именно: гендерно-ролевые предписания и практики, телесную нормативность и контроль за процессом старения женщины со стороны общества и институтов. Стоит также пояснить отношения, возникающие между культурным нормативным, укорененным в общество сценарием женского старения и вновь формирующимися альтернативными его вариациями, которые конструируются на индивидуальном уровне. Культурный сценарий задает общие правила и нормы проживания этапа жизни. В то же время «культурные сценарии существуют как внешние структуры по отношению к индивидуальной биографии, они создают возможности для действия и его интерпретации» [Темкина, 2008: 31]. Опираясь на работы упомянутых исследователей, мы рассматриваем индивидуальный сценарий как структуру социальных ожиданий, адаптированных под индивидуальные потребности женщин и конкретный социальный контекст.

Исследователи соглашались с тем, что в нормативный женский сценарий старения в российском обществе по-прежнему встроен дискурс естественного старения. Доминирующий негативный (непривлекательный) образ старения продолжает поддерживаться социальными институтами [Зеликова, 2020]. Социальными маркерами старения тела выступают седина, морщины, лишний вес, дряблость и гравитационные изменения кожи, отсутствие зубов и другие. Образ бабушки предполагает утрату сексуальности [Зеликова, 2018: 137; Shadrina, 2024]. Старение тела расценивается как своего рода сигнал начала периода старения, на основании которого происходит вытеснение индивида (особенно женщины) из многих сфер социальной жизни, включая

рынки труда и потребления, сферу брачных отношений [Зеликова, 2020]. Для российских женщин сам статус бабушки связан с «дискурсом снижения и увядания», отмечает Юлия Зеликова [Зеликова, 2020: 132]. В соответствии с нормативным сценарием женщине старшего возраста предписывается участвовать в практиках заботы о внуках в рамках традиционной гендерной роли бабушки [Зеликова, 2018, 2020; Shadrina, 2024]. «Обслуживание внуков и детей считается наилучшим уделом „бабушек“», — подчеркивает Ирина Григорьева [Григорьева, 2018: 11].

Данные и методология

В качестве исследовательской стратегии и метода изучения женских сценариев старения в условиях российского мегаполиса нами выбран подход жизненного пути. Учитывая рассмотренные трансформации жизненного пути в обществе постмодерна (см. введение), мы изучили жизненные истории (биографии) женщин как последовательность индивидуальных выборов, формирующих жизненный сценарий в старшем возрасте [Макарова, 2024: 546]. Эмпирическую базу исследования составили данные тринадцати лейтмотивных биографических интервью с российскими женщинами старше 60 лет, регулярно применяющими anti-age косметологические процедуры. Метод биографического интервью в рамках подхода life course позволил отказаться от жесткой возрастной хронологии и интерпретировать значения определенных фаз жизни женщин в сопоставлении с приобретенным жизненным опытом и с учетом всех остальных фаз жизни. Сценарии старения информанток были реконструированы в результате анализа интервью, не ограниченного традиционными представлениями о возрастных границах (подробнее о выводах исследования в отношении динамического аспекта анализа биографий см. [Макарова, 2024]). Блоки вопросов, составляющие путеводитель интервью в нашем исследовании, посвящены разным фазам и сферам жизни (детству, молодости, образованию, работе, семье и другим). Лейтмотивная тема ухода за внешностью встроена в путеводитель интервью и направлена на то, чтобы понять, как оценивают собственную внешность информантки, выяснить значение внешности для разных сфер (карьеры, отношений с мужчинами, сексуальности) и этапов жизни (детства, юности, молодости, зрелости), проанализировать опыт ухода за внешностью в разные периоды жизни, опыт и результаты применения anti-age косметологических процедур, узнать, как оценивают информантки отношения общества к женскому старению и к anti-age косметологии.

В ходе исследования на основе женских нарративов было реконструировано субъективное понимание информантками возраста, старения, связанных с ним ограничений или преимуществ. При выделении сценариев старения учитывались как нарративы о взаимодействиях информанток с внешними институтами и структурами, во многом программирующими возрастные границы, так и рефлексивное восприятие себя и старшего возраста в контексте

взаимоотношений с членами семьи, друзьями. В то время как применение подхода life course должно было максимально освободить нарративы от предзаданных нормативных сценариев старения, культурный сценарий бабушки проявился в интервью как паттерн в сравнениях и противопоставлениях, с помощью которых информантки описывают проживание старшего возраста. Этот культурный сценарий остается важным образцом ролевой функции женщины старшего возраста, что сказалось на структуре выявленных альтернативных сценариев женского старения.

Следуя исследовательской этике, эмпирические материалы собраны и использованы с согласия информанток. Персональные данные, полученные в процессе планирования и проведения интервью, были анонимизированы. В итоговую выборку вошли женщины от 59,5 до 74 лет (что соответствует категории третьего возраста), регулярно использующие anti-age косметологические процедуры (не реже двух раз, или двух курсов процедур, в год) и проживающие в Санкт-Петербурге (основное место жительства). Мегаполис характеризуется также наличием развитого рынка косметологических услуг. Рекрутинг осуществлялся с использованием социальных сетей. Отбор информанток частично проходил по методу снежного кома. Между тем на этапе завершения сбора эмпирических данных возникло понимание, что итоговая выборка не является единой сетью знакомств.

Все тринадцать женщин, участвующих в исследовании, официально оформили пенсию, но восемь из них на момент проведения интервью продолжали трудовую деятельность. Одиннадцать женщин имеют как минимум одно высшее образование (в основном различные инженерные специальности), две — среднее специальное. Брачный статус участниц исследования различается. На момент проведения интервью из тринадцати женщин девять были замужем, четыре разведены. Все женщины имеют (или имели) детей. Десять женщин на момент интервью имели внуков, которые проживают отдельно (иногда в других странах).

Фокус на применении процедур anti-age косметологии дал нам возможность обратить внимание на связь участниц проекта со сферой косметологии и медицины. Мы зафиксировали наличие медицинского образования (высшего и среднего) в двух кейсах, а также дружеские отношения с косметологами или занятость в индустрии красоты (салон красоты) в ряде случаев. Это обстоятельство следует рассматривать как условия облегченного доступа к практикам anti-age косметологии и потенциально высокой осведомленности в отношении (не)эффективности и (без)опасности таких процедур.

Мы не можем точно определить социально-экономический статус информанток, но данные, полученные в интервью, свидетельствуют о том, что все они располагали дополнительными (помимо пенсии) финансовыми ресурсами на момент проведения исследования. Согласно косвенным данным о предполагаемом социально-экономическом статусе, полученная выборка в основном репрезентирует городской средний класс и частично — высокодоходный слой общества. Генерализация результатов исследования имеет ограничения. В рамках нашего анализа мы можем говорить о сценариях женского старения,

формирующихся в среде обеспеченных российских женщин третьего возраста, регулярно использующих процедуры anti-age косметологии, в контексте развитой инфраструктуры мегаполиса.

Анализ данных выполнен с использованием синтеза техник кодирования и тематического анализа [Flick, 2009]. Присвоенные коды подлежали систематизации, объединению в субкатегории и далее — в основные категории. Категории, в свою очередь, были объединены в тематические области, границы которых оказались достаточно условными и в некоторых случаях пересекались друг с другом посредством общих кодов. Однако выявленные тематические области сформировались как достаточно автономные и в дальнейшем были объединены в несколько сценариев и проанализированы. После этого путем сравнения выделенных сценариев между собой были определены три основных, охватывающих все рассмотренные случаи сценария старения российских женщин, применяющих anti-age косметологические процедуры: женщины без возраста, активной пенсионерки и профессиональной бабушки. Построение типологии основано на таких критериях, как ведущая мотивация обращения к anti-age косметологии и доминирующий вид деятельности. В то время как первый критерий позволяет отличить сценарии женщины без возраста и профессиональной бабушки от сценария активной пенсионерки, второй критерий четко определяет сценарий профессиональной бабушки.

Альтернативные сценарии женского старения

В нарративах участниц исследования прослеживается отчетливая связь между изменениями внешности и ощущением возраста [Макарова, 2024]. В динамике биографического нарратива сложно выделить единый возраст, в котором информантки начинают предпринимать меры, позволяющие контролировать старение тела. Характерной чертой всех сценариев является прочная связь внешности и активности, когда молодежавый и ухоженный внешний вид воспринимается как индикатор ответственного отношения к себе, являясь важным условием социальной включенности и позволяя продлить период активной жизни (уменьшаются стигматизация и самостигматизация, обусловленные нормативными представлениями о женском старении). В то же время в процессе осознания возраста ценность здоровья для большинства информанток выходит на первый план. Например, Галина³ подчеркивает:

«Самое главное, что если у тебя ничего не болит, и ты как бы следишь за здоровьем, что в первую очередь здоровье, а потом уже твое лицо и все остальное, твой внешний вид, — вот тогда ты как бы живешь и радуешься, и счастлив...» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

³ Все имена изменены.

Рассматривая финансовое благополучие как возможность комфортно проживать данный период жизненного пути, участницы исследования часто приводят в пример своих менее обеспеченных ровесниц, для которых, например, обращение к anti-age косметологическим процедурам в старшем возрасте может быть недоступно:

«Потому что если мы возьмем меня и женщину, которая жила с другим достатком, назовем это более корректно, так, то, естественно, мы будем отличаться друг от друга. Это было бы смешно, во-первых, очень. Поэтому на 12 тысяч или на... (сколько там прожиточный минимум пенсия?) не пойдет она делать у вас инъекции какие-то, это тоже смешно» (интервью № 11, Алла, 59,5 лет).

Таким образом, для большинства информанток важными факторами в концептуализации возраста и выстраивании сценариев старения являются состояние здоровья и материальное положение, и это подчеркивает ограничения генерализации результатов исследования.

Женщина без возраста

Сценарий женщины без возраста реализуют женщины, которым удастся (согласно их субъективному ощущению) на данном этапе жизни мыслить себя вне возрастных ограничений, не вносить существенных изменений в свой образ жизни — «отложить» старение. В большинстве случаев женщины без возраста являются успешно занятыми, фактически находясь на пенсии. Они продолжают работать или самореализуются уже вне сферы оплачиваемой занятости. Работа не рассматривается исключительно в контексте источника доходов, большую ценность для женщины имеет возможность профессиональной реализации, что позволяет ей поддерживать свой социальный статус. Уход от профессиональной деятельности символизирует выключение из активной социальной жизни, что вызывает беспокойство. Светский образ жизни женщины без возраста предполагает такие активности, как посещение разнообразных мероприятий, общение с родственниками и друзьями, путешествия и пр. Социальная жизнь, согласно сценарию, разнообразна и наполнена, а финансовое благополучие женщин и/или членов их семьи является важным условием доступа к активному социальному образу жизни.

Оценка окружающих, среди которых могут быть друзья, коллеги, представители более молодого поколения, дети или партнеры, играет важную роль для женщины без возраста. Внимание и комплименты (в отношении внешности) со стороны мужчин особо значимы и придают дополнительную уверенность в себе. Это обстоятельство указывает на то, что нарастание возраста так или иначе проблематизируется женщинами, и внешняя привлекательность нуждается в верификации.

Женщина без возраста ведет не только активный, но и здоровый образ жизни: заботится о своем теле (применяет anti-age косметологические процедуры, правильно питается, занимается спортом) и о здоровье организма

в целом. Такие женщины стремятся выглядеть красиво, молодо (моложе своих лет) или, как минимум, не меняться много лет. Одна из участниц проекта полагает, что задача оставаться красивой является частью современной культурной нормы, предъявляемой обществом достаточно ультимативно:

«Но это, конечно, еще вот эта культура. Это культура же тоже, правильно? Это не только то, что ты хочешь быть красивым, ты обязан быть красивым, что такое, из-за уважения к людям» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Физическая форма и молодой внешний вид имеют прямое отношение к конкуренции за рабочие места:

«... без этого совершенно невозможно. Ведь хочешь выглядеть моложе. И это вообще сейчас тенденция такая в наше время, то есть все хотят выглядеть моложе, где бы ты ни работал и чем бы ты не занимался. Это важно для женщины, потому что увеличился, ну, срок жизни все-таки, ну, я имею в виду, такой активной жизни. Мы, видите, и работаем еще как бы и не собираемся пока вот просто сидеть дома» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

В рамках сценария возможны различные форматы взаимоотношений с мужчинами-партнерами, но для многих участниц исследования значимой оказалась роль достойной жены. Для Марины такая роль становится доминирующей и определяет ее отношение к своей внешности. На вопрос о целях применения anti-age косметологии Марина ответила следующее:

«В первую очередь чтобы нравиться своему мужу, потому что у меня муж считает, что я должна быть звездой — худой, красивой. Он очень за этим следит» (интервью № 5, Марина, 60 лет).

Сексуальность не теряет свои смыслы для женщины без возраста и может поддерживаться комплиментами и другими знаками внимания со стороны мужчин:

«Я чувствую себя женщиной, да, если мне хочется, потому что именно это дает мне [ощущение], что я женщина. Вот если я нравлюсь, если мужчины ко мне испытывают сексуально, то да, я себе, да, да, да, для меня это важно» (интервью № 3, Наталья, 63 года).

Зачастую сексуальность ассоциируется именно с внешней привлекательностью:

«Ну, вопрос сложный, потому что я считаю, что когда говорят, сексуальна ли женщина, все-таки больше имеются в виду внешние проявления...» (интервью № 8, Ольга, 60 лет).

С одной стороны, внешность в рамках данного сценария рассматривается как потенциальный ресурс для профессиональной реализации женщины, возможность чувствовать себя сексуальной и нравиться мужчинам. С другой стороны, забота о внешности дает возможность нравиться себе, чувствовать себя увереннее и получать удовольствие наряду с другими положительными эмоциями. Таким образом, отдельного внимания в нашем анализе заслуживает категория «для себя», использующаяся информантками как объяснение мотивации заботы о своей внешности. Это очевидно имеет отношение к сохранению возможностей вести социально активную жизнь. В то же время забота о себе может свидетельствовать о трансформации субъектности женщин в старшем возрасте, когда активная забота о своем теле и ее внешний результат в некоторой степени становятся залогом личной удовлетворенности и благополучия. Забота о внуках перестает быть единственно возможной функцией женщины старшего возраста. Согласно сценарию, женщины, как правило, не участвуют в практиках повседневной заботы о своих внуках, но ценят периодическое общение с ними, реализуя ролевую модель социально активной бабушки. Появляется пространство для заботы о себе:

«Ну, Вы знаете, когда я вот как бы в форме, что называется, то мне, конечно, и жить хорошо, весело, и я себя люблю и уважаю, я люблю кругом всех, и у меня хорошее настроение» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Галина уточняет, что выглядеть как бабушка — преждевременно и неприемлемо для нее. Косметология anti-age позволяет Галине выглядеть моложе, и именно ее внешность (как достижение) отличает ее от нормативного образа бабушки:

«...что можно сделать, чтобы отодвинуть как бы вот старческий вид, такую не старость как старость, а вот именно такой старческий вид, чтобы не быть бабушкой раньше времени на вид. На вид, я имею в виду, хотя бабушка я уже давным-давно, с 42 лет» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Критерием, определяющим в нашем анализе сценарий женщины без возраста, является мотивация обращения к косметологии anti-age как к эффективному инструменту, который помогает предупреждать или нивелировать (маскировать) признаки старения тела. Субъектная забота о внешности и стремление выглядеть моложе в таком случае направлены на сохранение желаемого уровня социальной активности, а также на поддержание социального статуса. Сценарий женщины без возраста предполагает включенность в конкурентные сферы социальной жизни, трудовые и брачные отношения.

Профессиональная бабушка

С одной стороны, в сценарий профессиональной бабушки встроены культурные идеалы повседневной заботы о внуках, с другой — реализация сценария предполагает ответственное отношение к своему здоровью и заботу о теле, согласуясь с неолиберальными принципами активного старения.

Быть профессиональной бабушкой означает безвозмездно заботиться о своих внуках, находясь на пенсии, и выполнять функции не только любящей родственницы, но и профессиональной няни и педагога. В отличие от двух других типов альтернативных сценариев, повседневность профессиональной бабушки на данном этапе жизненного пути подчинена приоритету заботы о внуках. Например, Юлия в настоящее время не работает официально и посвящает большую часть своего времени заботе о семье и внуках. При этом свою повседневную деятельность Юлия описывает, используя метафору работы:

«Я сейчас работаю: первое — водителем у детей, гувернанткой, педагогом, учителем музыки, сольфеджио и все» (интервью № 7, Юлия, 65 лет).

Мы обратили внимание на неоднозначность понятия бабушки, заявившую о себе посредством общей для всех изученных сценариев категории «бабушка — это другое». Подчеркнутая двусмысленность понятия объясняется интенцией участниц проекта сепарировать гендерную роль от соответствующего нормативным представлениям о старении непривлекательного внешнего образа. Например, Галина объясняет:

«Ну, то, что я стала бабушкой, это стала бабушкой, бабушкины чувства — никуда они не делись. Даже если ты хочешь быть девочкой, девушкой на вид, молодой, все равно ты как бы бабушка, твои чувства к внукам, ты бежишь нянчиться, и все. Но выглядеть-то ты хочешь не как... не как мы привыкли, вот как наши бабушки выглядят, а выглядеть ты хочешь как... как, там, твоя дочь или невестка» (интервью № 10, Галина, 65 лет).

Возвращаясь к сценарию профессиональной бабушки, подчеркнем, что эта роль считается желательной и позволяет реализовать себя в полной мере. Развитие и воспитание внуков в таком случае противопоставляется рутинной заботе о них и часто требует приобретения дополнительных компетенций (например, в рисовании, музыке). С точки зрения социальной включенности и телесной нормативности сценарии женщины без возраста и профессиональной бабушки очень похожи. Профессиональные бабушки успевают заботиться о себе (anti-age косметология, спорт, поддержание здоровья) и участвовать в других видах социальной активности. При этом оценка окружающих имеет значение. Например, для Юлии очень значимы ситуации, когда ее близкие отмечают (в том числе публично), что она выглядит моложе своего возраста:

«И очень нравится, когда мои внуки говорят: „Бабушка, вот сейчас 65 плюс будут сидеть дома [ситуация пандемии]. Но тебя в жизни никогда не остановят!“ Я уже Вам рассказывала, да. Они даже не посмеют. Вот это мне тоже очень нравится, когда внуки, они всегда, прихожу за ними в школу: „А это наша бабушка, это не мама, это бабушка!“ То есть как бы там бабушки приходят, такие бабушки в платочках» (интервью № 7, Юлия, 65 лет).

Применение anti-age косметологических процедур позволяет по-новому понимать роль и телесность бабушки. Профессиональная бабушка — это женщина, которая продолжает оставаться социально активной, личностно развиваться и хорошо выглядеть, не отказываясь от функций заботы о внуках.

Активная пенсионерка

Активная пенсионерка — это сценарий, который предполагает принятие себя в новом статусе после наступления пенсионного возраста и стремление проживать этот период максимально активно. Сценарии активной пенсионерки и женщины без возраста наполнены схожими смыслами с точки зрения их рассмотрения в контексте контроля за процессом старения женщины со стороны общества и институтов и гендерно-ролевых предписаний и практик. Между тем возможность жить активно, сохраняя здоровье и автономию, является основной ценностью для активной пенсионерки:

«Ну, хочется пожить немножко, активно пожить. Но если уж умереть, то умереть быстро — вот и все (смеется)» (интервью № 4, Тамара, 60 лет).

Для активной пенсионерки важен факт социальной включенности, при этом она может продолжать работать или заниматься различными другими видами социальной деятельности. Акцентируется внимание на здоровьесберегающем поведении и, в частности, на регулярных занятиях спортом:

«Последние 10 лет я занимаюсь, ну, спортом — не спортом, ну, как бы я активно достаточно физически занимаюсь. Вот сейчас вот даже дома у меня... У меня тренер приходит» (интервью № 4, Тамара, 60 лет).

Забота о внешности встраивается в концепцию здорового образа жизни активной пенсионерки и становится привычной:

«То есть для меня это так важно, как чистить зубы, вот, уход за собой. Потому что если я даже какой-то длительный период чего-то не делаю, хотя говорят, что кожа хорошая, хорошо выгляжу, у меня внутреннее ощущение собой — неудовольствие, то есть я как чего-то недополучила» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Важно подчеркнуть, что, в отличие от женщины без возраста и профессиональной бабушки, активная пенсионерка в меньшей степени мотивирована

стирать или маскировать признаки старения тела и предпочитает выглядеть ухоженной:

«Я не хочу быть молодой, но как бы ухоженной в возрасте женщиной мне хочется выглядеть, ухоженной на свой возраст» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Согласно сценарию, ухоженная внешность — это результат комплексных усилий и ответственного отношения к своему телу. Категория «для себя» в контексте обращения к anti-age процедурам наиболее органично встраивается в сценарий активной пенсионерки:

«Ну, конечно, ты когда хорошо выглядишь, ты более уверенная в себе, да... Если раньше даже я считала деньги, которые я трачу, мне теперь неважно, сколько это стоит, то есть, есть такая пока возможность, мне важно, как я выгляжу даже не в том плане, насколько я моложе выгляжу. Мне хочется, чтобы была свежая кожа, чтобы я могла вот там проснуться и утром на себя посмотреть с удовольствием, да, а не такая вся, как печеное яблочко» (интервью № 6, Ирина, 69 лет).

Таким образом, внешность в сценарии активной пенсионерки — это прежде всего личный успех и достижение вследствие ответственного отношения к себе. Anti-age косметология позволяет активной пенсионерке хорошо (ухоженно) выглядеть и оставаться включенной в общество (важен результат), и одновременно является социальной практикой потребления, которая создает ощущение продуктивности и контроля над своей жизнью (важен процесс заботы о себе).

Сопоставление сценариев женского старения

Проведенный анализ позволил нам выделить и охарактеризовать три типа альтернативных сценариев старения российских женщин, регулярно применяющих anti-age косметологические процедуры: женщины без возраста, профессиональной бабушки и активной пенсионерки. Если для женщины без возраста и профессиональной бабушки косметология anti-age — это прежде всего эффективный инструмент, позволяющий выглядеть более молодо, привлекательно (не выглядеть бабушкой в смысле нормативных ожиданий) и отодвигать мысли о старости, то для активной пенсионерки — это, скорее, инструмент, позволяющий выглядеть ухоженно (на свой возраст).

Как показали результаты нашего исследования, сценарии женщины без возраста и активной пенсионерки отчасти трансформируют культурные идеалы заботы о внуках. Периодическое общение с внуками встроено в сценарии как не обязательная, но желаемая социальная практика. Существенно изменился и сам статус бабушки. Эта роль сепарирована в восприятии от непривлекательного внешнего образа и, следовательно, не вызывает беспокойства в отношении социального статуса. Сценарий профессиональной бабушки

отличается тем, что в нем идентичность бабушки, заботящейся о внуках, вновь становится ключевой для женщины. Статус бабушки в таком случае не вызывает опасений и, напротив, становится ресурсом для самореализации и предметом гордости.

Заключение

В исследовании мы отталкивались от представлений о старении как социальном конструкте, что обязывало нас учитывать нормативный контекст общества и указывало на способность субъекта агентно влиять на то, каким образом проживается тот или иной жизненный этап. Применение метода биографического интервью и концепции life course позволило нам рассмотреть, как российские женщины третьего возраста конструируют собственные сценарии старения.

Проведенный анализ интервью позволил обнаружить диверсификацию сценариев женского старения. Это подтверждает выводы, сделанные другими российскими исследователями, в частности Ириной Григорьевой, о том, что, несмотря на институциональные ограничения, в современном обществе (в том числе и в России) существует пространство «для самостоятельного выбора, возможности контролировать собственную жизнь и обновлять ее сценарии» [Григорьева 2018: 15]. Применение anti-age косметологических процедур связывается самими женщинами с возможностью сохранять социальную включенность и конкурировать за ресурсы, будь то рабочие места, внимание мужчин или участие в социально значимых мероприятиях.

Альтернативные сценарии проживания третьего возраста современными российскими женщинами возникают на стыке нового неолиберального дискурса и традиционалистских представлений о старении. Все три альтернативных сценария старения обнаруживают в той или иной мере признаки ценностей концепции активного долголетия, популяризирующей образ активного и независимого неолиберального субъекта в старшем возрасте. В то же время важные элементы нормативного сценария бабушки, сосредоточенной на заботе о внуках, обнаруживаются во всех трех сценариях. Роль бабушки модифицируется, редуцируется, соотносится с персональными планами женщины, однако забота о внуках остается важной составляющей жизни женщин третьего возраста. Модифицируется не только понимание роли бабушки, но и телесности женщины, и практик заботы, осуществляемых ею о других и о себе.

Литература / References

Григорьева И. А. Пожилые женщины. «Вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. Т. 1. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1> EDN: VZPSHZ

Grigoreva I. A. (2018) Elderly Women: Over the Hill — Age- and Gender-Wise. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. Vol. 1. P. 5–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.1>

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211> EDN: WMGFWL

Grigoryeva I., Bogdanova E. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 187–211. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

Евсеева Я. В., Ядова М. А., Якимова Е. В. Жизненные траектории личности в XXI в.: Особенности выбора // Новые социальные практики в зеркале социологии: Сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Ядовой. М.: РАН ИНИОН. 2019. С. 12–24. DOI: <https://doi.org/10.31249/nspr/2019.00.02> EDN: VZCCYF

Evseeva Ya., Yadova M., Yakimova E. (2019) Zhiznennyye traektorii lichnosti v XXI v.: Osobennosti vybora [Life Trajectories of Personality in the 21st Century: Peculiarities of Choice]. In: M. A. Yadova (ed.) *Novyye socialnyye praktiki v zerkale sociologii: Sb. nauch. tr.* [New Social Practices in the Mirror of Sociology: Collection of Articles]. Moscow: RAN INION. P. 12–24 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31249/nspr/2019.00.02>

Зеликова Ю. А. Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140> EDN: YVBCQR

Zelikova J. (2018) The Construction of Aging in Contemporary Russia: Sex and Intimacy in the Late Life Period. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 1. P. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140>

Зеликова Ю. А. «Чувствую себя просто бабушкой». Старение, эйджизм и сексизм в современной России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. Т. 12. № 2. С. 124–145. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145> EDN: EQUUHX

Zelikova J. (2020) "I Can Only Perceive Myself as a Babushka": Aging, Ageism, and Sexism in Contemporary Russia. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12. No. 2. P. 124–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-124-145>

Кузьминых В. Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. Т. 4. № 12. С. 37–41. EDN: KPSYGV

Kuzminikh V. (2008) Life Course in Social Theory Evolution's Context. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 4. No. 12. P. 37–41. (In Russ.)

Макарова К. А. Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>

Makarova K. (2024) Life Course Perspective and Aging Studies: The Theoretical Development and Ways to Work with Empirical Data. *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 22. No. 3. P. 541–552. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552>

Низамова А. Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 569–582. EDN: XHFLWL

Nizamova A. (2016) Active Ageing and Outward Appearance: How Do Theoretical Conceptions Affect Self-Perception in Old Age? *Zhurnal issledovaniy socialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 569–582. (In Russ.)

Смолькин А. А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 134–141. EDN: LDGYFP

Smolkin A. A. (2007) Medical Discourse in the Construction of the Old Age Image. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 10. No. 2. P. 134–141. (In Russ.)

Темкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2008. EDN: UPCCCT

Temkina A. A. (2008) *Seksualnaya zhiznzhenschiny: Mezhd podchineniem i svobodoi* [Sexual Life of a Woman: Between Submission and Freedom]. SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta. (In Russ.)

Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 3. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301> EDN: YNKQJR

Tykanova E., Hohlova A. (2016) Key Concepts and Approaches in Sociological Life Course Studies. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 3. P. 4–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.301>

Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage and The Life Course. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 58. No. 6. P. 327–337. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/58.6.5327>

Davidenko M. (2019) The Ambiguities of Self-Governance: Russian Middle-Aged Middle-Class Women's Reflections on Ageing. *Ageing & Society*. Vol. 39. No. 3. P. 609–628. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X17001167>

Elder G. H. (1974) *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago.

Flick U. (2009) *An Introduction to Qualitative Research* (4th ed.). London: Sage.

Foster L., Walker A. (2021) Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention. *BioMed Research International*. Vol. 2021. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1155/2021/6650414>

Gagnon J. H., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.

Holavins A. (2020) *Non-Governmental Elderly Care in Russia: Participation or Objectification?* Helsinki: University of Helsinki.

Holstein J. A., Gubrium J. F. (2007) Constructionist Perspectives on the Life Course. *Sociology Compass*. Vol. 1. No. 1. P. 335–352. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00004.x>

Clarke H. L. (2017) Women, Aging, and Beauty Culture: Navigating the Social Perils of Looking Old. *Generations*. Vol. 41 No. 4. P. 104–108.

Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*. Vol. 4. No. 3–4. P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/15427600701663122>

Krivosos D. (2014) *Biochemistry of Self: Gender, Emotions and Body Work in the Use of Anti-Age Cosmetic Treatments*. Helsinki: University of Helsinki.

Kukkonen I. (2021) Who Performs Appearance Work, and Who Believes Appearance Works? Gendered Appearance Beliefs and Practices in Finland. In: Sarpila O., Kukkonen I., Pajunen T., Åberg E. (eds.) *Appearance as Capital*. Leeds: Emerald Publishing Limited. P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-80043-708-120210003>

Laslett P. (1987) The Emergence of the Third Age. *Ageing and Society*. Vol. 7. No. 2. P. 133–160.

Laumann E., Gagnon J., Michael R., Michael S. (1994) *The Social Organization of Sexuality: Sexual Practices in the United States*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Marhánková J. H. (2019) "I Want (to be) an Active Grandmother" Activity as a New Normative Framework of Subjective Meanings and Expectations Associated with the Grandmother Role. *Ageing & Society*. Vol. 39 No. 8. P. 1667–1690. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X18000223>.

Mortimer J. (2019) Life-Course Perspective. In: Ritzer G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Hoboken: John Wiley & Sons. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosl046.pub2>

Pickard S. (2016) *Age Studies: A Sociological Examination of How We Age and are Aged through the Life Course*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473957800>.

Shadrina A. (2024) Enacting the Babushka: Older Russian Women “Doing” Age, Gender and Class by Accepting the Role of a Stoic Carer. *Ageing and Society*. Vol. 44. No. 2. P. 457–474. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X2200037X>

Spector-Mersel G. (2006) Never-Aging Stories: Western Hegemonic Masculinity Scripts. *Journal of Gender Studies*. Vol. 15 No. 1. P. 67–82. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589230500486934>

Szatur-Jaworska B. (2020) The Life Course Perspective in Social Gerontology. In: Łuszczynska M. (ed.) *Researching Ageing: Methodological Challenges and their Empirical Background (1st ed.)*. London: Routledge. P. 108–117. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003051169-11>

Сведения об авторе:

Макарова Карина Александровна — магистр социологии, аспирантка, школа вычислительных социальных наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kmakarova@eu.spb.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Принята к публикации: 05.02.2025

BAK: 5.4.4

Anti-age Cosmetology in Older Age and Aging Scenarios of Russian Women in the Perspective of the Life Course

DOI: 10.19181/inter.2025.17.2.6

Karina A. Makarova European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
E-mail: kmakarova@eu.spb.ru

The article is devoted to studying aging scenarios for women in a modern Russian megapolis who regularly undergo anti-age cosmetology. Theoretically, the article focuses on developing a scenario approach and research debate on diversifying older women's ways of living. Empirically, the article is based on thirteen biographical leitmotif interviews that were developed and conducted within the life course approach. The theme of care for appearance at different stages of life was chosen as a leitmotif of the interviews. The interviewees were women over 60 years old, living in Saint Petersburg and regularly undergoing anti-age cosmetic procedures. The current research perspective of the life course has made it possible to consider the story of women's lives as a sequence of individual choices that determine life scenarios. Analysis of the data showed that the choice of aging scenarios is related to women's attempts to control age-related changes in their appearance. During the analysis, three alternative aging scenarios were identified:

ageless woman, active retiree, and professional granny. The identified scenarios are analytically described and compared with the new discourse of active longevity and the normative scenario of female aging.

Keywords: aging studies; female aging; anti-age cosmetic treatments; aging scenarios; life course; life path approach

Author Bio:

Karina A. Makarova — MA in Sociology, Graduate Student, School of Computational Social Sciences, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** kmakarova@eu.spb.ru.

Received: 12.11.2024

Accepted: 05.02.2025